

© 1992 г. БОНДАРКО А.В.

К ПРОБЛЕМЕ СООТНОШЕНИЯ УНИВЕРСАЛЬНЫХ И ИДИОЭТНИЧЕСКИХ АСПЕКТОВ СЕМАНТИКИ: ИНТЕРПРЕТАЦИОННЫЙ КОМПОНЕНТ ГРАММАТИЧЕСКИХ ЗНАЧЕНИЙ

Постановка вопроса о том, как соотносятся универсальные мыслительные основания языковых значений и специфические особенности плана содержания в каждом языке, опирается на давнюю традицию. Эта проблематика, восходящая к идеям В. Гумбольдта и А.А. Потебни, получила дальнейшее развитие (при разной терминологии) в трудах И.А. Бодуэна де Куртенэ, В.П. Сланского, А.А. Шахматова, А.М. Пешковского, в работах В. Матезиуса, а также представителей современной Пражской школы (Ф. Данеша, П. Сталла и др.), в концепциях Г. Гийома, Э. Кошмидера, С.Д. Кацнельсона, Э. Косериу и др. [1—7]. В настоящее время рассматриваемый круг проблем становится особенно актуальным в связи с развитием когнитивной лингвистики и семантической типологии.

В этой статье выделяются следующие вопросы: а) факторы, обуславливающие различные аспекты языковой интерпретации смыслового содержания (ср. признаки избирательности, избыточности, дискретности/недискретности, эксплицитности/имплицитности и др.); б) интерпретационный компонент языковых значений и проблема формы как способа представления содержания; в) разновидности содержательной неэквивалентности, выявляемой при межъязыковых сопоставлениях; г) возможные черты общности "интерпретационных типов" в разных языках. В статье продолжается рассмотрение данной проблематики в направлении, намеченном в предшествующих работах автора [8—10].

Исходные принципы

Необходимо различать 1) языковые значения, т.е. значения единиц, классов и категорий данного языка, рассматриваемые в парадигматической системе и в речевых реализациях, и 2) смысл (смысловое, мыслительное, когнитивное содержание) — содержание, представляемое как инвариант внутриязыковых синонимических преобразований и межъязыковых соответствий (ср. трактовку такого инварианта в рамках модели "смысл ↔ текст" [11, с. 10—11]), ср. также суждения Р.О. Якобсона об "эквивалентности при существовании различия", об эквивалентных сообщениях в разных кодах и о трех типах перевода — внутриязыкового, межъязыкового и межсемантического [12, с. 362—363].

Подход к смыслу как к тому содержанию, которое остается неизменным при синонимических преобразованиях, намечен уже А.А. Потебней. Проводя различие между "содержанием языка" и "внеязычным значением", он писал: «Чтобы получить внеязычное содержание, нужно бы отвлечься от всего того, что определяет роль слова в речи, напр. от всякого различия в выражениях... "кто носит меч", "кому носить меч", "чье дело ношение меча"...» [13, с. 72]. По существу здесь уже выражена мысль о том, что представление о "вне-

язычном содержании" достигается в результате определенной операции анализа, включающего сравнение рассматриваемых выражений, «отвлечение от различий» и выделение общего. Фактически во многом сходные идеи лежат в основе суждений о смысле (в рамках модели "смысл → текст") как конструкте, "пучке соответствий между реальными равнозначными высказываниями", а также об аналогии с реконструкцией праформ в сравнительно-историческом языкознании [11, с. 10—11].

В самих языковых значениях следует различать аспекты, которые могут быть истолкованы как а) смысловая основа (СМ. ОСН.) данного значения и б) интерпретационный компонент (ИНТ. КОМП.) — способ представления смысла, связанный с данной формой (ср. интерпретацию субъектно-предикатно-объектных отношений в конструкциях типа *Этот вопрос мы уже рассматривали/Этот вопрос нами уже рассматривался*).

СМ. ОСН. языковых значений и ИНТ. КОМП. — это разные аспекты единого целого. ИНТ. КОМП. никогда не выступает "в чистом виде", так же как мы не можем непосредственно выделить в данном значении (как нечто "отдельно существующее") его СМ. ОСН. Содержание, выражаемое формальными средствами, всегда выступает в той или иной языковой интерпретации, как «прошедшее сквозь призму» системы и структуры данного языка.

В выделении рассматриваемых аспектов языковых значений существенную роль играют элементы теоретической абстракции. Речь идет об исследовательском приеме вычленения тех сторон языковой семантики, которые в объекте анализа существуют в нераздельном единстве.

Сказанное не означает, что мы вообще не можем получить никакой информации о СМ. ОСН. в отличие от ИНТ. КОМП. Некоторое представление о рассматриваемых компонентах значения могут дать те сопоставления, о которых шла речь выше, — сопоставления синонимичных высказываний и межязыковых соответствий. То, что при сопоставлениях обоих типов остается инвариантным, дает основания для суждений о СМ. ОСН. выражаемого содержания, те же элементы (оттенки, нюансы), которые варьируются при замене одной формы другой, а также при переходе от одного языка к другому, представляют ИНТ. КОМП.

Ср. предложения (1) *Никита слышал, как падают капли дождя* и (2) *... слышал, как падали...* В обоих случаях передается один и тот же смысл, включающий отношение одновременности. Однако в языковой интерпретации этого отношения наблюдается различие "временной перспективы", устанавливаемой с разных точек зрения. При употреблении формы настоящего времени (1) отношение одновременности устанавливается с точки зрения обозначаемого в высказывании субъекта восприятия (Никиты) — как настоящее с его точки зрения. На передний план выступает относительная временная ориентация (настоящее как одновременность с точки зрения определенного момента и субъекта в прошлом), тогда как абсолютная временная отнесенность действия *падают* к прошлому специально не обозначается, она лишь подразумевается, имплицитруется: из того факта, что *слышал* относится к прошлому, вытекает, что и одновременное с ним действие *падают* относится к тому же временному плану.

Иначе интерпретируются временные и таксисные отношения в предложении (2). Здесь на передний план выдвигается временная отнесенность всей ситуации к прошлому, причем отношение одновременности, выраженное сочетанием двух форм прошедшего времени несов. вида в конструкции с союзом *как* (*слышал, как падали*), оказывается подчиненным общей абсолютной временной перспективе, определяемой с точки зрения автора.

ИНТ. КОМП., заключенный в значении языковой единицы, реализуется в каждом акте ее употребления. Однако для лингвистического анализа существенно возможность сопоставлений, о которых шла речь выше. Так, видовые

формы русского глагола в своих значениях всегда заключают элемент языковой интерпретации характера протекания действия во времени, однако наиболее четко ИНТ. КОМП. видовых значений проявляется в условиях "конкуренции видов", ср. *Бывает, случается (случится) свободное время; Он решил уйти (уходить); — Вы дали (давали) заявку?; Кто строил (построил) этот дом?* [14].

ИНТ. КОМП. четко выражен при переносном употреблении грамматических форм, в частности, форм времени, наклонения и лица: а) *Вдруг меня зовут...* (ср. *позвали*); б) *Подметешь* (ср. *подмети*) *комнату*; в) — *Мы сердимся?* (при обращении к собеседнику) и т.д.

При транспозиции формы ее грамматическое значение реализуется в метафорическом варианте. Так, в приведенных выше примерах а) реально прошедшее действие представляется как настоящее, б) побудительный смысл интерпретируется как реальное действие в будущем, в) обращение к собеседнику — как ситуация, в которой говорящий образно приобщается к действию или состоянию слушающего. Образный характер реализации грамматического значения в условиях транспозиции наглядно демонстрирует сущность ИНТ. КОМП. как способа представления выражаемого смыслового содержания (в данном случае речь идет о способе метафорическом, в других условиях выступают иные типы ИНТ. КОМП.).

ИНТ. КОМП. присущ языковой форме как ее необходимый признак. Каждая форма (в частности, грамматическая форма слова и синтаксическая конструкция) является носителем не только СМ. ОСН. выражаемого содержания, но и специфического, свойственного только ей ИНТ. КОМП. Заметим, что закрепление определенного смыслового содержания именно за данной формой как ее СМ. ОСН. уже само по себе представляет собой языковое структурирование смысла и, следовательно, определенный тип его интерпретации.

Общий принцип таков: у каждой формы — свое значение. Различие форм (в широком смысле — форм слова, словосочетания и предложения) не может не отразиться на выражаемом содержании. Разные формы либо выражают значения, меняющие смысл высказывания, либо, при тождестве или сходстве смысла, заключают в себе разные способы его языковой семантической интерпретации.

Поскольку каждая языковая единица включает в свое значение свойственный только ей ИНТ. КОМП., это предполагает, что равнозначность синонимичных конструкций возможна лишь как тождество смыслового содержания, но не как тождество значений, так как каждое из них отличается тем или иным нюансом, обусловленным языковой интерпретацией смысла.

Во многих случаях та или иная интерпретация передаваемого смыслового содержания в значениях разных языковых средств оказывается безразличной и для самого смысла высказываний, трактуемых как синонимичные, по крайней мере для акцентов передаваемого и воспринимаемого смысла: меняется форма — меняется и расстановка смысловых акцентов, смысловая перспектива. Ср. *Он грустит* и *Ему грустно*. Различие между способами представления семантического субъекта как "источника" состояния и как зависимой субстанции, к которой отнесено безличное состояние, по-видимому, касается не только языковой интерпретации выражаемого содержания, но в какой-то мере и самого смысла. Провести грань между тождеством и близостью смысла часто бывает трудно.

СМ. ОСН. универсальна. Что же касается ИНТ. КОМП., то в своих конкретных реализациях, отражающих специфику структуры каждого языка и действующих в нем правил функционирования лексических и грамматических единиц, он является идиоэтническим. Это не исключает возможности межъязыковых совпадений и параллелизма некоторых тенденций языковой интерпретации (ср., в частности, значения частей речи, прототипические спосо-

бы языкового представления субъектно-предикатно-объектных отношений, некоторые типы переносных значений). Следует подчеркнуть, что "типовая общность" способов языковой интерпретации смыслового содержания, выявляющаяся при межъязыковых сопоставлениях, сочетается с различиями тех или иных конкретных признаков, обусловленных особенностями структуры каждого языка.

В содержании грамматических категорий может преобладать либо отражение различий в отношениях объективного мира, либо ИНТ. КОМП. По данному признаку мы выделяем две разновидности грамматических категорий: 1) категории преимущественно отражательные и 2) преимущественно интерпретационные. В русском языке к первому типу относится подавляющее большинство категорий, а ко второму — залог и вид [15, с. 47—50].

Факторами, обуславливающими различные аспекты языковой интерпретации смыслового содержания, являются:

1) избирательность языковых значений по отношению к признакам обозначаемых явлений; так, разные языки по-разному «избирают» те или иные признаки в характере протекания действия во времени для тех или иных типов формального выражения — значения реального и потенциального предела, длительности, итеративности, начинательности и т.п., причем далеко не все признаки реальных действий оказываются «избранными»;

2) избыточность значений; речь идет в особенности об избыточности, связанной с облигаторностью грамматических категорий в языках флективно-синтетического типа (так, избыточность многих интерпретационных нюансов, связанных с видом в славянских языках, выявляется при сопоставлении с языками, не имеющими вида как грамматической категории; с категорией рода связана избыточность выражения отношения к полу в случаях типа *Я читал/Я читала* (ср. отсутствие данного проявления избыточности в языках, не сигнализирующих в аналогичных условиях отношение к полу, ср. также отсутствие данного отношения в других формах: *Я читаю* и т.п.);

3) возможность дискретного и недискретного представления элементов смыслового содержания; в сфере грамматики имеется в виду различие между четко выделяющимся самостоятельным значением определенной формы или конструкции и значением или оттенком значения, сопряженным с другим значением или другим несамостоятельным элементом в составе того или иного семантического комплекса (ср. *Не могу припомнить* и *Не припомню*);

4) различие представления эксплицитного и имплицитного; имеется в виду, с одной стороны, содержание явное, непосредственно выраженное тем или иным языковым средством, а с другой — имплицитное, специально не выраженное, а лишь подразумеваемое, вытекающее из эксплицитного содержания или из связанной с ним контекстуальной или ситуативной информации (ср. эксплицитное выражение отнесенности действия к будущему времени специальными глагольными формами типа *буду писать* и вытекающую из категориального значения императива футуральную перспективу в высказываниях типа *Пишите!*); имплицитность обычно сопутствует недискретности (см. приведенные выше примеры), однако возможно и имплицитное представление определенных семантических элементов, связанное с особыми — дискретными — языковыми средствами; ср. эксплицитное выражение признаков целостности и ограниченности действия пределом при употреблении глаголов совершенного вида (СВ) — *Прибежал сосед...* — и имплицитное представление указанных признаков при употреблении семантически немаркированных форм несовершенного вида (НСВ) в тех условиях, когда СВ невозможен (*Прибегает сосед...*);

5) возможность различий в распределении того, что выражается специальными грамматическими средствами и что приходится на долю лексики, контекста и речевой ситуации (ср. способы представления

Этот ряд можно было бы продолжить. Так, существенны различия в характере взаимодействия грамматических и лексических значений, в соотношении денотативных и коннотативных элементов. По существу все особенности распределения выражаемого содержания по языковым единицам и их комбинациям могут быть основанием внутриязыковых и междязыковых различий между значениями изучаемых единиц.

Важную роль в языковой интерпретации смыслового содержания играют прототипы. Речь идет о наиболее репрезентативных значениях, а также структурных функциях, представляющих собой прототипы как "лучшие образцы" в функциональной сфере, связанной с данной языковой единицей или категорией (см. [16, с. 7, 58—61]). Ср., например, роль агенса-лица как прототипического субъекта; этот "лучший образец" воздействует и на другие разновидности субъектной функции (подробнее см. ниже).

Языковая интерпретация СМ. ОСН. выражаемого содержания, заключенная в формах слов и синтаксических конструкций, является для каждого поколения носителей данного языка исторически обусловленной и унаследованной. В распоряжении говорящих находятся исторически сложившиеся системы форм и конструкций вместе с заключенными в них способами представления смыслового содержания.

Историческая обусловленность языковой интерпретации смыслового содержания сочетается с существующей в речевой деятельности говорящего возможностью выбора того или иного способа представления смысла формирующегося высказывания. Он может использовать различные комбинации языковых единиц, выбирая средства, необходимые в данный момент, при данных условиях коммуникации для передачи тех или иных оттенков смысла. Возможности выбора всегда ограничиваются факторами обязательности, определяемыми структурой данного языка.

Порождение высказывания связано с теми формами существования смыслового содержания, которые не идентичны содержанию, облаченному в вербальную форму. В процессе мыслительно-речевой деятельности языковые и смысловые содержательные структуры находятся в отношениях взаимного перекодирования (о речемыслительных процессах преобразований в области смыслов и значений см. [17—18]). При переходе от «смыслового замысла», еще не имеющего конкретного вербального воплощения, к смыслу, выражаемому определенными языковыми единицами, смысловое содержание получает ту интерпретацию, которая связана с данной формой [8, с. 125—127].

В связи с анализом интерпретационных и «общесмысловых» аспектов языковой семантики возникает сложная проблема верификации. Однозначных критериев определения тождеств и различий в содержании сопоставляемых высказываний нет. Нельзя, однако, сказать, что объективация наблюдений, касающихся различий в языковой интерпретации тождественного или сходного смысла, вообще невозможна. Некоторая степень объективации (относительной) может быть достигнута при использовании приемов по возможности эксплицитных истолкований. Если устанавливаемые различия в оттенках представления смысла не просто констатируются, но и могут быть эксплицитно истолкованы, то это может служить основанием для предположения о том, что описываемые различия действительно существуют.

Предлагаемая трактовка ИНТ. КОМП. существенно отличается от широкого понимания интерпретации в различных направлениях современной лингвистической теории, в частности в американской лингвистике (ср. освещение данной проблематики и обобщение обширной литературы вопроса в работах В.З. Демьянкова [19—20]). Вместе с тем само по себе общее понятие интерпретации в лингвистике допускает различные истолкования, в том числе и то,

которое излагается в данной статье. Наша трактовка ИНТ. КОМП. может рассматриваться как одна из «специальных теорий интерпретации» — одна из моделей, концентрирующих внимание на специфике языковых значений.

О «формальности» языкового содержания

Вопрос об ИНТ. КОМП. языковых значений связан с проблемой формы как способа представления содержания. Языковые значения, с одной стороны, содержательны, а с другой — формальны. Речь идет об известном в лингвистической традиции истолковании языкового содержания как формы по отношению к содержанию мыслительному. Так, А.А. Потебня писал о том, что «содержание языка состоит лишь из символов внеязычного значения и по отношению к последнему есть форма» [13, с. 72]. В значениях слов он видел «способ представления внеязычного содержания» [13, с. 47] (подробнее о концепциях языкового содержания в лингвистической традиции см. [8, 21]).

Поясним, в каком отношении та или иная сторона значения определяется как содержательная или формальная. Формальность лексического или грамматического значения — это формальность по отношению к смысловому (мыслительному, когнитивному, «глубинному») содержанию — формальность, заключающаяся в его специфически языковой структурной организации и связи со средствами формального выражения. Содержательность языковых значений определяется, с одной стороны, наличием в них того или иного представления определенного смыслового содержания, а с другой — противопоставлением по отношению к формальным показателям, т.е. к материальной форме.

Понятие «связь с формальным выражением» включает не только языковые единицы и категории как единства планов содержания и выражения, но и ориентацию содержания, формирующегося в процессе мыслительно-речевой деятельности, на возможное формальное выражение. Это один из существенных факторов, обуславливающих воздействие формального выражения на структуру выражаемого содержания.

Необходимо дифференцировать разные аспекты и разные степени формальности языкового содержания в связи с различием лексических и грамматических значений, а также в связи с различием между семантическим и структурным грамматическим содержанием.

Наиболее общий аспект — формальность языкового содержания в целом — в его отношении к смысловому (мыслительному) содержанию. В этом смысле формальны не только грамматические, но и лексические значения. Уместно вспомнить, что А.А. Потебня рассматривал «ближайшие значения» (не только лексические, но и грамматические) как формальные с точки зрения «пустоты ближайшего значения» по сравнению с содержанием соответствующего образа и понятия, в связи с вытекающей отсюда объективацией формальных значений как принадлежащих всему языковому коллективу и представляющих собой основу для взаимного понимания говорящего и слушающего [13, с. 20].

Более специальный аспект формальности языкового содержания и вместе с тем более высокая ее степень представлены в грамматических значениях (не случайно в языковедческой традиции грамматические значения долгое время именовались формальными значениями).

Формальность грамматического значения — это уже не только формальность в отношении смыслового содержания, но и формальность в более узком смысле — по отношению к лексическим значениям: грамматические значения организуют, связывают и соотносят лексические значения (что не исключает и самостоятельного отношения грамматических значений к смысловому содержанию и — через него — к свойствам и отношениям вне-

языкового мира). Таким образом, формальность грамматических значений — это как бы формальность второй степени.

Еще более высокая степень формальности языкового содержания представлена в структурном грамматическом содержании (например, в содержании категории рода за пределами отношения к полу в рамках одушевленности). В данном случае формальность проявляется в тех условиях, когда данное содержание включается в структурную организацию языкового содержания, но сама по себе не входит в передаваемый и воспринимаемый смысл. Не случайно по отношению к данному предмету анализа мы говорим именно о содержании, а не о значении, потому что значение имеет СМ. ОСН., а содержание категории рода за пределами одушевленности и другие разновидности структурного содержания смысловой основы не имеют (о различии семантического и структурного содержания см. [8, с. 4—5, 63, 164; 15, с. 41—47]). Это формальность «третьей степени».

При рассмотрении интерпретационных элементов грамматических значений мы постоянно обращаемся к понятию формы в различных его аспектах. Для дальнейшего развития функционально-грамматических исследований первостепенное значение имеет специальная разработка проблематики языковой формы (формы как способа языкового представления когнитивного содержания, как структуры значений языковых единиц и, наконец, как структурной организации плана выражения).

**Эквивалентность смысла / неэквивалентность
(неполная эквивалентность) языковых значений
при межъязыковых сопоставлениях**

Отношение универсальности смысла и неуниверсальности языковых значений с их ИНТ. КОМП. может рассматриваться в терминах эквивалентности/неэквивалентности (неполной эквивалентности). Эквивалентность смыслового содержания, лежащего в основе языкового содержания «равнозначных» высказываний в сопоставляемых языках, сочетается с возможной или неизбежной неэквивалентностью (неполной эквивалентностью) языковой интерпретации. Иначе говоря, существует эквивалентность на уровне «глубинной семантики» и неэквивалентность (неполная эквивалентность) на уровне семантики «поверхностной», включающей ИНТ. КОМП.

Рассматривая проблему эквивалентности при внутриязыковом и межъязыковом переводе (в частности, отмечая отсутствие полной эквивалентности между синонимами и между единицами кода на уровне межъязыкового перевода), Р.О. Якобсон приходит к выводу, который, на наш взгляд, в полной мере сохраняет свою значимость и в настоящее время: «Эквивалентность при существовании различия — это кардинальная проблема языка и центральная проблема лингвистики» [12, с. 364] (ср. [22—23]).

Могут быть выделены следующие типы содержательной неэквивалентности: 1) функционально-парадигматическая неэквивалентность, обусловленная наличием/отсутствием тех или иных единиц, классов и категорий или различиями в их значениях; 2) функционально-синтагматическая неэквивалентность, связанная с различиями в закономерностях функционирования сравниваемых единиц.

Примером неэквивалентности первого типа может служить наличие категории вида в русском языке и отсутствие данной категории в немецком. К этому же типу неэквивалентности относится рассматриваемая Р.О. Якобсоном ситуация, когда мы переводим на язык, в котором есть грамматическая категория, отсутствующая в языке оригинала, например, когда английское предложение *She has brothers* переводится на язык, в котором различаются формы двойств. и мн. числа [12, с. 364—365].

Одной из разновидностей функционально-синтагматической неэквивалентности является несовпадение значений единиц, по-разному употребляющихся в определенных позициях. Ср., например, возможность употребления глаголов обоих видов в чешском языке в таких временных планах, как настоящее историческое и сценическое — в тех позициях, где русский язык допускает лишь НСВ. С этим связаны расхождения видовых значений в случаях типа *Když odešly, zůstal jsem tam sám. — Po chvíli přijde děvče, postaví na zemi košík, přezehdná se křídlem, pokloní se...* (В. Němcová. Povídky), ср. *Когда они ушли, я остался там один. Через минуту приходит девушка, ставит на землю корзинку, крестится, кланяется...* (невозможно *придет, *поставит, *перекрестится, *поклонится). Ср. также настоящее историческое СВ, возможное в сербохорватском языке: *Поп и уча граде цигаре и пуше. Извадим и ја лулу, нарежем дувана и замаглим* (Ј. Веселиновић. Слика из сеоског живота), русск. ... *вынимаю* (букв. *выну*) и *я трубку, нарезаю* (букв. *нарежу*) *табаку и дымлю* (букв. *задымлю*).

При сопоставительном и семантико-типологическом анализе ИНТ. КОМП. важно придерживаться такого «масштаба сопоставления», при котором принимаются во внимание все нюансы (до мельчайшего оттенка), отличающие один способ представления данного смысла от другого.

Как уже говорилось выше, мы различаем грамматические категории преимущественно отражательного и преимущественно интерпретационного типа. Характерным примером грамматической категории с интерпретационной доминантой может служить русский глагольный вид. Категориальные значения видовых форм являются преимущественно интерпретационными. Разумеется, существуют такие типы функционирования видов, в которых видовые значения включаются в смысловые отношения, осознаваемые говорящими, например: — *Выполнили вы приказ или не выполнили?... — Я выполнял, добросовестно выполнял. Приказ находился в процессе выполнения. — Так все-таки, был выполнен приказ о восстановлении положения или не был?* (П. Григоренко. Воспоминания); ср. также высказывания типа *Догонял, да не догнал; Убеждал, но не убедил* и т.п. Итак, «смысловое осознание» видовых значений возможно, но для этого необходимы благоприятные условия контекста.

НСВ как семантически немаркированная форма выступает в целом ряде частных значений и типов употребления, в которых четко выражается преобладание ИНТ. КОМП. Например: *Я уже обедал*. Здесь представлено обобщенное указание на самый факт действия в отличие от *Я уже пообедал*, где выражен конкретный факт в его целостности и ограниченности пределом (об интерпретационной доминанте категории вида см. [14, с. 6—22]).

Не только видовые значения, но и значения способов действия русского глагола заключают в себе интерпретационные элементы, которые нередко не находят адекватных соответствий в других языках. Ср., в частности, высказывания с глаголами дистрибутивного и дистрибутивно-суммарного способов действия: *Побросали книги и ушли; Все попрыгали в воду; Перепробовал все лакомства; Дети переболели корью* и т.п. Аспектуальная семантика в подобных высказываниях взаимодействует с предикатно-субъектными и предикатно-объектными отношениями, а в части случаев (*Понастроили домов; Понаехало гостей* и т.п.) к этому добавляются элементы оценочной характеристики. Как отмечает Ю. Хартунг, акциональное значение дистрибутивности в немецком языке остается неактуализованным, с чем связаны существенные трудности эквивалентного перевода [24].

Рассмотрим языковой материал, демонстрирующий интерпретационные элементы семантики начинательности, связанные с содержательной избыточностью.

В русском языке могут быть выделены два типа начинательности: 1) «смыс-

ловая» и 2) «интерпретационная». В первом случае начинательные глаголы (*заговорить* и т.п.) и начинательные конструкции (*стал, начал говорить* и т.п.) выступают в употреблении, непосредственно обусловленном необходимостью выразить смысл начинательности, например: *Начал строить дом, но так и не достроил; Снова начал курить*. В подобных случаях избыточности нет, начинательность является необходимым элементом смысла высказывания (что, в частности, выявляется при переводах, в которых данный элемент также оказывается необходимым). Во втором случае употребление средств выражения начинательности обусловлено характерными для русского языка нормами представления наступления факта в цепи последовательных целостных фактов, а также в сочетаниях типа «факт—длительность» и «длительность—факт». Речь идет, таким образом, об аспектуально-таксисных отношениях, требующих, в соответствии с нормами русского языка, «фазовой интерпретации» действия как наступающего факта. Например: *...Кузьма вышел на дорогу... и стал медленно ходить взад и вперед. На картуз, на руки опять посыпался дождь* (И. Бунин. Деревня); *И опять схватил цигарку и стал глухо реветь: Боже милостивый! Пушкина убили, Писарева утопили, Рылеева удавили...* (там же); *Усталость и рассеянность его исчезли, он встал и решительно заходил по горнице, глядя в пол. Потом остановился и, краснея сквозь седину, стал говорить: — Ничего не знаю о тебе с тех пор* (И. Бунин. Темные аллеи).

В некоторых случаях употребление начинательного глагола или начинательной конструкции связано не только с аспектуально-таксисными отношениями, но и с видовой несоотнесенностью. Так, в следующем примере сочетание *стал завертывать* представляет собой единственную возможность включить глагол с данным лексическим значением в «цепь фактов», требующую СВ: *И Мотя вернулся, сел на скамью, стал сонно, шевеля бровями, завертывать цигарку, но, кажется, плохо соображал, кто это рядом с ним...* (И. Бунин. Деревня). Нередко ограничения в образовании видовых пар и глаголов тех или иных способов действия приводят к тому, что оказывается невозможным употребить в данном высказывании глагол СВ того же корня с другой приставкой. Например: — *Лют — мочи нет — торопливо отозвался Яков... И Кузьма засмеялся от удовольствия* (там же). Никакой другой глагол в данных условиях невозможен. По существу начинательность во многих случаях оказывается «ближайшим приближением» к «чистовидовым» образованиям.

Начинательность данного типа, часто реализующаяся в художественном повествовании, — особенность русского языка, отличающая его от многих других. Так, в чешском языке в соответствующих условиях начинательность либо вообще не выражается, либо передается имплицитно (вытекает из контекста). По отношению к чешскому языку С. Иванчев с основанием говорит о контекстно обусловленном ингрессивном употреблении глаголов НСВ, например: *Zvedl se tedy a šel k východu* [25], ср. русск. *...поднялся и пошел к выходу*. Можно сослаться и на различия между выражением начинательности в русском и немецком языках. Как отмечает Н.В. Малышкина, если в русском языке фазовые способы действия имеют эксплицитное выражение, то в немецких переводах фазовые значения могут быть переданы также и имплицитно — за счет особенностей немецкого аспектологического контекста [26] (об аналогичных фактах в ряде других языков см. [27]).

Возможные межъязыковые параллели в интерпретации смыслового содержания

Интерпретационные аспекты значений в разных языках могут проявлять черты общности. Так, существует общность интерпретационных значений частей

речи в разных языках, в частности, категориального значения предметности (субстанциальности), свойственного именам существительным: как самостоятельный предмет мысли (носитель признаков) представляется не только собственно предмет (*книга* и т.п.), но и признак (*доброта*), действие (*ходьба*), состояние (*сон*) и т.п. [28, с. 62—102] (ср. малоизвестные суждения А.А. Холодовича о категориальном значении существительного [29—30]; ср. также рассмотрение вопроса о лексической и грамматической предметности в [31]).

Конструкции типа англ. *He has money*, нем. *Er hat Geld*, ср. также русск. *Он имеет деньги* (мы отвлекаемся от стилистической ушербности последнего примера) характеризуются общим типом структурного содержания: «субъект-обладатель распространяет отношение обладания на данный предмет». Этот способ представления смыслового содержания посессивности (с элементами «обладатель», «предмет обладания», «отношение между тем и другим») отличается от интерпретации, заключенной в русских конструкциях типа *У него есть деньги*. В последнем случае посессивное отношение интерпретируется «через бытийность», т.е. через представление о существовании (наличии) данного предмета в сфере субъекта-обладателя (о категории посессивности см. [32—34]).

В языках номинативного строя сходным образом обнаруживается свойство семантического субъекта «быть субстанцией, представленной как источник приписываемого ей неpassивного предикативного признака». Речь может идти о своего рода признаке «креативности». Имея в виду предложения типа *Книга исчезла*, А.А. Шахматов писал: «... правда, книга исчезла не сама, — ее спрятали, утаили или затеряли люди, но в данном суждении производителем признака выставлена она» [35].

В языковой интерпретации субъекта определяющую роль играет та его разновидность — основная, наиболее влиятельная, — которая находит отражение в термине и понятии «агенс», обобщающем множество реальных производителей реальных действий. Все остальные семантические разновидности субъекта в их языковой интерпретации, в особенности в позиции подлежащего (ср. *Соседи получили письмо*, где в роли субъекта выступает реципиент), несут на себе признаки воздействия доминирующей агентивной разновидности. С языковой типизацией (грамматикализацией языкового представления семантической категории субъекта по доминирующей модели «субъект — агенс») связана, в частности, персонализация неодушевленных предметов.

Особую роль в языковой интерпретации субъекта играет та разновидность агенса, которой присущ признак контролируемости действия. Доминирующим образом (прототипом), оказывающим воздействие на другие разновидности реализации данной семантической категории, является лицо, осуществляющее контролируемое действие. В этой прототипической репрезентации субъекта находит наиболее полную реализацию тот признак детерминации предиката со стороны субъекта (признак креативности), о котором шла речь выше (ср. замечания А.М. Пешковского об «оттенке воли, намерения», проявляющемся и в тех случаях, когда «нам надо неживые, неодушевленные предметы представить живыми»: *кусты теснятся* и т.п. [28, с. 79]). Можно было бы привести и другие примеры прототипов (ср. анализ «прототипической каузации» в книге Дж. Лакоффа [16, с. 54—55]).

Приведенные примеры демонстрируют «типовую общность» ИНТ. КОМП. в сфере структурного содержания (структурных функций). Именно таковы категориальные значения частей речи, различные интерпретации посессивного отношения в конструкциях типа *он имеет* и *у него есть*, субъектно-предикатные отношения в случаях типа *Книга упала* и т.п. Типовое сходство ИНТ. КОМП. в разных языках возможно, однако, и в сфере собственно семантического содержания. Ср., например, тип актуализации прошлого (когда прошедшие действия при употреблении форм настоящего времени

представляются так, как будто они протекают на глазах говорящего и слушающего: *Иду я вчера по улице* и т.п.), ср. также уже упоминавшееся выше переносное употребление местоименных и глагольных форм 1 лица мн. числа в случаях типа *Как мы себя чувствуем?* (вопрос доктора, обращенный к пациенту) с оттенком «участливой совокупности»: говорящий как бы приобщается к состоянию собеседника, разделяя это состояние. Данный тип транспозиции лица известен в разных языках [36].

Типовая общность ИНТ. КОМП. во многих случаях сочетается с различиями в вариантах реализации данного способа представления выражаемого содержания. Так, при общности значений частей речи в разных языках в реализации этих значений в определенных типах лексем могут проявляться идиотические особенности. Ср., например, «следы видовой семантики» (элементы процессности, а также отдельных способов действий) в русских отглагольных существительных типа *поглаживание, подшучивание, расхваливание* и т.п.: в таких случаях представлен особый вариант репрезентации глагольной семантики в семантике имени существительного. В целом же в сфере грамматических значений господствует тенденция к межкультурному варьированию ИНТ. КОМП. при общности смысла высказывания.

Интерпретационный компонент языковых значений и представление «картины мира»

То языковое содержание, которое «заложено» в языковых единицах, классах и категориях, отражает не только отношения внешнего мира, но и их специфическое преломление в «речевых представлениях» говорящих и слушающих. Представления говорящего о «картине мира», необходимые для речи и реализующиеся в ней, как уже неоднократно отмечалось, нередко существенно отличаются от объективных свойств предметов, явлений и отношений внешнего мира и от научных представлений о них (ср. суждения И.А. Бодуэна де Куртенэ о количественности в языковом мышлении, отличающейся от математической количественности [37, с. 312—319, 323]). Во всех случаях имеются в виду не индивидуальные представления говорящего, а «типизированные представления», заключенные в значениях языковых единиц и их сочетаний. Приведем некоторые примеры.

В реальной действительности каждое действие характеризуется той или иной длительностью, однако в языковом (и речевом) содержании высказывания действие часто представляется безотносительно к его длительности. Это характерно прежде всего для высказываний с формами СВ, например: *Я скажу ему об этом; Меня позвали к телефону; Он отказался* и т.п. (ср. длительность, обусловленную способом действия глагола и обстоятельственными показателями в случаях типа *Постоял часа два; Проболе́л целый месяц* и т.п.). Представление действия безотносительно к его длительности характерно для ряда типов функционирования глаголов НСВ. Ср., например, обобщенно-фактическое значение: — *Меня вызывали?*; перформативные высказывания: *Прошу вас; Поздравляю; Предоставляю вам слово* и т.п. [38; 39, с. 98—107].

Длительность, выражаемая в высказываниях, чаще всего интерпретируется не как кратковременная, мгновенная, а как некоторая «положительная» характеристика. Этот сдвиг в сторону скорее большей, а не меньшей меры длительности проявляется, в частности, в лексическом значении слова *длительность*, а также его синонимов — *продолжительность, временная протяженность*. Данная особенность языковой интерпретации длительности отражается в подавляющем большинстве примеров, имеющих в нашем распоряжении [39, с. 98—124].

Одним из примеров «речевых представлений» говорящего являются призм-

наки «неточности» в интерпретации временных отношений между действиями, связанных с категорией таксиса, в частности отношения одновременности. Для обычных условий речи не может быть постоянно существенной и актуальной строгая одновременность действий (как в случаях типа *В то самое время, когда он произносил эти слова, она чувствовала...*). Часто выражается приблизительная, нестрогая одновременность, представляющая собой таксисное отношение недифференцированного типа (при отсутствии резкой грани между одновременностью и разновременностью). Например: *Гости пили чай и разговаривали*. В таких случаях существенна лишь общая отношение действий к одному и тому же (неопределенному) периоду времени. Нередко одновременность как временное отношение, противопоставленное разновременности, не актуализируется. Ср. типы таксисных ситуаций, в которых актуальна лишь общая сопряженность действий как элементов некоторого полипредикативного комплекса: а) *Исследуя эти факты, ученый углублялся в проблемы...*; б) *Тянулось шоссе, рядом громоздились кучи шлака, вдали виднелся лес*; в) *Он постарел, растолстел, обрюзг* (подробнее см. [40]).

В данной связи заслуживает внимания также «принцип эгоцентризма» в значениях лица и времени, о котором писал Бодуэн [37, с. 79—81] (ср. [41—44]; о локационной референции, связанной с ориентацией высказывания по отношению к участникам речевого акта на основе координат «я — здесь — сейчас», см. [45]).

Рассмотрим некоторые особенности интерпретации представлений говорящего о мире в модальном значении реальности, выражаемом формами индикатива. Имеется в виду реальность как отражаемое в грамматическом значении этих форм представление говорящего о существующем в действительности (мы придерживаемся точки зрения, согласно которой индикатив, как и другие наклонения, имеет собственное «положительное» значение; примечательно, что оно четко выявляется в тех случаях, когда формы изъявительного наклонения используются для передачи смысла повелительности, например *Купишь хлеба*: побуждение к действию представлено как утверждение факта его реального осуществления в будущем [46, с. 74]).

Семантика реальности может рассматриваться в более узком и более широком смысле. В первом случае речь идет о ядре, центре реальности (где сосредоточены специфические признаки данного значения), тогда как во втором — о более широкой содержательной сфере, включающей и ту периферийную область, где свойства реальности выступают не столь явно и могут сочетаться с некоторыми элементами ирреальности.

Реальность в узком смысле соответствует тому, что называют актуальностью (рассматриваемой как коррелят потенциальности), а также фактичностью. Говорящим устанавливается представление о таком «существовании в действительности», в котором нет элементов, так или иначе связанных и ирреальностью, т.е. нет потенциальности, а также недостоверности, «чужого опыта» и т.п.

В значении актуальности (фактичности) как центре реальности в свою очередь может быть выделено ядро, в котором специфика Р находит максимально четкое и непосредственное выражение. Таким ядром является значение настоящего актуального с признаками наблюдаемости (перцептивности) и конкретной референции всех участников обозначаемой ситуации: — *Что ты там делаешь? — Разбираю бумаги*. Настоящее актуальное в ситуации «я — сейчас — здесь — это» представляет собой «высшую степень реальности» — действительность переживаемую, наблюдаемую (так или иначе воспринимаемую), конкретную и очевидную. Это и есть актуальность в собственном, наиболее полном смысле. На следующей ступени в рассматриваемой

иерархии находится актуальность, отнесенная к прошлому, — то, что было актуальным, было наблюдаемым.

В ситуации настоящего актуального очевидна связь модального значения реальности и семантики времени: перед нами модально-темпоральный комплекс с элементами, имеющими отношение и к модальности, и к темпоральности. Настоящее актуальное — это актуально переживаемое «реальное время», в отличие от реальности, восстанавливаемой по памяти или проецируемой на будущее.

Настоящее актуальное представляет собой один из немногих случаев, когда обозначаемая ситуация непосредственно сопряжена с ситуацией речи. Это «первичная ячейка» отражения в языке и речи отношения «человек — действительность».

Сфера реальности в широком смысле представлена в будущем времени. В содержании высказываний о будущем (*Он вернется* и т.п.) всегда присутствует та или иная мера потенциальности.

Границы «реальности в широком смысле» в общем очерчены рамками изъявительного наклонения. Семантическая сфера индикатива включает то ядро реальности, которое представляет настоящее актуальное, и, кроме того, индикативное выражение возможности, необходимости, желания, выражение реальности, осложненной оценкой достоверности. Ср.: *Я могу (мог, смог, смогу) все изменить; Вероятно, я смогу все изменить; Я хочу все изменить* и т.п. Во всех подобных случаях грамматическое значение реальности выступает как способ представления тех ситуаций, в которых есть и элементы ирреальности. Речь идет о «реальной возможности», «действительном желании», о реальном с определенной степенью вероятности и т.п. (о естественном языке представлении семантики возможности см. [47]).

Понятие реальности в широком смысле находит языковое выражение и языковую объективацию во временных формах изъявительного наклонения. Границы грамматического времени (мы имеем в виду русский язык и другие языки со сходным соотношением наклонения и времени) близки к границам реальности в широком смысле (подробнее см. [46, с. 72—76]).

Разумеется, нет достаточных оснований относить рассматриваемые особенности языковых значений лишь к их ИНТ. КОМП.; эти черты языкового отражения «психологии говорящего» имеют отношение и к СМ. ОСН. выражаемого содержания (ср. суждения о «наивной модели мира» в ее отношении к личной сфере говорящего [48], о моделях внеязыкового мира, создаваемых «языковым сознанием» [49], о способах человеческого восприятия мира, зафиксированных в естественном языке [50—51]; в последней работе речь идет о том, что в русском языке, по крайней мере в конструкциях с родительным падежом, не могут быть представлены денотативно фиксированные отношения «часть — целое» типа *ухо — голова, глаз — лицо*, ср. невозможность сочетания **ухо головы*).

Рассматривая особенности «языкового (и речевого) мышления», характеризующие языковые способы представления внеязыковых ситуаций, мы фактически затрагиваем проблему «обратного воздействия» языка на мышление, коренящуюся в давней языковедческой традиции. Не имея возможности рассмотреть этот вопрос в данной статье, отметим лишь, что при анализе соотношения СМ. ОСН. и ИНТ. КОМП. языковых значений необходимо учитывать взаимосвязи смыслового (мыслительного, когнитивного) и языкового содержания в обоих направлениях воздействия: 1) от внешнего мира — через сознание и мышление — к языковым значениям и 2) от языковых форм с их значениями к сознанию и мышлению (ср. современную проблематику когнитивной лингвистики и когнитивной психологии, в частности, прототипическую теорию категоризации [16]).

В этой статье мы стремились связать теорию вопроса с анализом языкового материала. Дальнейшая разработка данной проблематики требует особого внимания к экспликации истолкований сопоставляемых высказываний на основе тождества (общности) их СМ. ОСН. и различий в ИНТ. КОМП.

В предшествующем изложении мы исходили из предположения, что СМ. ОСН. выражаемого содержания универсальна. В рамках данной статьи обобщенное и недифференцированное представление этого принципа, вероятно, достаточно. Однако для дальнейшей разработки рассматриваемой проблемы необходим более дифференцированный подход к понятию СМ. ОСН. Смысл — понятие многоаспектное. Могут быть выделены: 1) системно-категориальный аспект — понятийные (когнитивные, мыслительные, семантические) категории, издавна изучаемые на основе традиции, восходящей к Аристотелю; 2) логический аспект, 3) динамический аспект мыслительно-речевой деятельности участников речевого акта, включающей взаимное перекодирование мыслительных структур, 4) аспект «фоновых знаний» и ситуативной информации с точки зрения говорящего и слушающего (см. [8, с. 72—127; 52]). По-видимому, СМ. ОСН. выражаемого содержания может рассматриваться как универсальная, если иметь в виду аспекты смысла, обозначенные в первых трех пунктах данного выше перечня. Что же касается последнего аспекта, то, вероятно, он предполагает возможность сочетания универсальных элементов с неуниверсальными. Этот вопрос требует специальных исследований.

Дифференцированный подход, по-видимому, необходим и по отношению к СМ. ОСН., рассматриваемой на разных уровнях представления смысла. Мы имеем в виду отношения к смысловым элементам, лежащим в основе языкового содержания на уровне слова (на этом уровне особенно велика роль «обратного воздействия» языка на мышление, поскольку рассматриваются смысловые основания уже выделенной, отдельно взятой языковой единицы) и на уровне предложения (здесь также следует учитывать оба направления во взаимодействии мыслительных и языковых содержательных структур, принимая во внимание особенности этого уровня). Особый круг вопросов связан с анализом смысловых (когнитивных) оснований языкового (и вместе с тем речевого) содержания текста.

Необходимо исследовать на более широком языковом материале, как соотносятся а) различие универсальных и идиоэтнических аспектов семантики и б) различие СМ. ОСН. и ИНТ. КОМП. Как мы пытались показать, в интерпретации смыслового содержания выявляются не только межъязыковые различия, но и черты общности. Возникает необходимость постановки вопроса о «типологии языковой интерпретации»*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Mathesius V.* Obsahový rozbor současné angličtiny na základě obecně lingvistickém. Praha, 1961. S. 10—13.
2. *Dokulil M., Daneš Fr.* K t. zv. významové a mluvnické stavbě věty // O vědeckém poznání soudobých jazyků. Praha. 1958. S. 232—234.
3. *Sgall P., Hajičová E., Panevová J.* The meaning of the sentence in its semantic and pragmatic aspects. Prague, 1986. P. 8—18.

*Автор выражает искреннюю благодарность Н.А. Козинцевой и В.М. Павлову за полезные замечания, высказанные при обсуждении этой статьи.

4. Guillaume G. Leçons de linguistique de Gustave Guillaume, 1948—1949. Série C. Grammaire particulière du français et grammaire générale (IV). Paris-Québec, 1973.
5. Koschmieder E. Beiträge zur allgemeinen Syntax. Heidelberg, 1965. S. 7, 17, 103, 205, 211—212.
6. Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972.
7. Coseriu E. Formen und Funktionen // Studien zur Grammatik. Tübingen, 1987. S. 177—198.
8. Бондарко А.В. Грамматическое значение и смысл. Л., 1978.
9. Бондарко А.В. Интерпретационный компонент языковых значений и понятие эквивалентности в сопоставительной лингвистике // ZSl 1990. Bd 35. Hf. 4.
10. Бондарко А.В. О роли интерпретационного компонента в структуре грамматического значения (на материале категории вида) // Сопоставительно языковедение. 1990. Кн. 2.
11. Мельчук И.А. Опыт теории лингвистических моделей «смысл—текст». Семантика, синтаксис. М., 1974.
12. Якобсон Р. О лингвистических аспектах перевода // Якобсон Р.О. Избр. работы. М., 1985.
13. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Т. I—II. М., 1958.
14. Бондарко А.В. О значениях видов русского глагола // ВЯ. 1990. № 4.
15. Бондарко А.В. Теория морфологических категорий. Л., 1976.
16. Lakoff G. Women, fire, and dangerous things. What categories reveal about the mind. Chicago; London, 1988.
17. Жинкин Н.И. О кодовых переходах во внутренней речи // ВЯ. 1964. № 6.
18. Жинкин Н.И. Смысловое восприятие речевого сообщения (в условиях массовой коммуникации). М., 1976.
19. Демьянков В.З. Специальные теории интерпретации в вычислительной лингвистике. М., 1988.
20. Демьянков В.З. Интерпретация, понимание и лингвистические аспекты их моделирования на ЭВМ. М., 1989.
21. Бондарко А.В. Из истории разработки концепции языкового содержания в отечественном языкознании XIX века (К.С. Аксаков, А.А. Потебня, В.П. Сланский) // Грамматические концепции в языкознании XIX века. Л., 1985. С. 79—123.
22. Kosta P. Probleme der Švejk-Übersetzungen in den west-und südslavischen Sprachen. Linguistische Studien zur Translation literarischer Texte. München, 1986. S. 41—287.
23. Швейцар А.Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. М., 1988. С. 76—144.
24. Хартунг Ю. Дистрибутивный и суммарно-дистрибутивный способы глагольного действия в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 1979. С. 21—22.
25. Иванчев Св. Контекстово обусловлена ингрессивна употреба на глаголите от несвършен вид в чешкия език // Годишник на Софийския университет. Филологически факултет. 1961. Т. 54. Кн. 3. С. 11.
26. Малышкина Н.В. О переводимости способов действия русского глагола на немецкий язык (На материале переводов художественной прозы): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Калинин, 1979. С. 4.
27. Недялков В.П. Начинательность и средства ее выражения в языках разных типов // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987. С. 183—184.
28. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. 7-е изд. М., 1956.
29. Холодович А.А. Введение в языкознание. Ч. III: Грамматика. Л., 1951. С. 11—12.
30. Оглоблин А.К., Храковский В.С. А.А. Холодович: творчество и научная школа // Типология и грамматика. Л., 1990. С. 11—12.
31. Руденко Д.И. Имя в парадигмах философии языка. Харьков, 1990. С. 28—68.
32. Категория посессивности в славянских и балканских языках. М., 1989.
33. Чинчлей К.Г. Типология категории посессивности. Кишинев, 1990.
34. Селиверстова О.Н. Контрастивная синтаксическая семантика. Опыт описания. М., 1990. С. 19—27.
35. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. Л., 1941. С. 22.
36. Есперсен О. Философия грамматики. М., 1958. С. 253.
37. Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. II. М., 1963.
38. Бондарко А.В. Интерпретационные аспекты семантики длительности в русском языке // Язык: система и функционирование. М., 1988. С. 32—39.
39. Бондарко А.В. Длительность // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987.
40. Бондарко А.В. Таксис. Замечания об отношениях недифференцированного типа // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987. С. 253—256.
41. Bühler K Sprachtheorie. Die Darstellungsfunktion der Sprache. Jena, 1934. S. 102—120.
42. Степанов Ю.С. Имена. Предикаты. Предложения. М., 1981. С. 162—169.
43. Степанова Л.Н., Степанов Ю.С. «Я»-предложения в испанской разговорной речи // Res philologica. Филологические исследования. Памяти академика Г.В. Степанова (1919—1986). М., 1990. С. 240—250.
44. Козинцева Н.А. Временная локализованность действия и ее связи с аспектуальными, модальными и таксисными значениями. Л., 1991. С. 12—18.
45. Степанов Ю.С. Индоевропейское предложение. М., 1989. С. 87.

46. Бондарко А.В. Реальность/ирреальность и потенциальность // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Л., 1990.
47. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. «Возможности» естественного языка и модальная логика // Вопросы кибернетики. Язык логики и логика языка (Сб. статей к 60-летию В.А. Успенского). М., 1990.
48. Апресян Ю.Д. Личная сфера говорящего и наивная модель мира // Семиотические аспекты формализации интеллектуальной деятельности. М., 1985.
49. Борщев В.Б., Кнорина Л.В. Типы реалий и их языковое восприятие // Вопросы кибернетики. Язык логики и логика языка. М., 1990. С. 106.
50. Zubin D. Discourse function of morphology: the focus system in German // Discourse and syntax. N. Y. etc., 1979 (Syntax and semantics, 12). P. 469, 473—474.
51. Рахилина Е.В. По поводу лингвистической мереологии // Семиотика и информатика. Вып. 30. М., 1990. С. 75—79.
52. Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л., 1983. С. 27—75.